

**Основные тезисы Круглого стола
«Разум vs Постправда:
онтология, аксиология, геополитика»**

**The Main Proceedings of the Round Table on
“Reason vs Post-Truth:
Ontology, Axiology, Geopolitics”**

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-101-109

Conference proceedings

Материалы конференции

По инициативе философов и ученых из России и Украины 21 ноября 2018 г. в Московском государственному университете имени М.В. Ломоносова состоялся международный круглый стол «Разум vs Постправда: онтология, аксиология, геополитика».

Журнал «Философские науки» в настоящем номере публикует краткий обзор круглого стола и авторские статьи некоторых его участников, подготовленные специально для журнала на основе материалов выступлений на круглом столе.

В.В. МИРОНОВ (МГУ им. Ломоносова, чл.-корр. РАН, док. филос. наук, проф.)

Круглый стол «Разум vs Постправда: онтология, аксиология, геополитика» – важное мероприятие, инициаторами которого выступили российские и украинские ученые. В последние годы наши контакты с Украиной, с украинскими философами были столь интенсивны, что дело дошло до разработки и запуска совместных образовательных программ. Затем ситуация изменилась. Надеюсь, что наша инициатива будет иметь продолжение, что будет сформирован постоянный регламент, позволяющий обсуждать острые вопросы, стоящие на повестке дня, и контакты представителей научных сообществ России и Украины принесут позитивные плоды.

*Подробнее см. статью
«Российско-украинская инициатива Philosophy in reality»,
стр. 97*

К.Х. МОМДЖЯН (МГУ им. Ломоносова, док. филос. наук, проф.)

Хочу сделать терминологическое уточнение. «Истина» – это понятие рефлексивного сознания, познающего мир в логике его собственного существования. «Правда» – понятие валуативного ценностного сознания, которое не познает, а осознает мир, соотнося его с потребностями людей. Правда связана с убежденностью человека в том, что избранные им конечные цели существования являются объективно значимыми, полезными и рекомендованными для всех.

Истина и правда – вещи очень разные и смешивать их ни в коем случае нельзя. Фундаментальное различие связано с тем, что истина может быть верифицирована и отличена от заблуждения. Ценностные убеждения также могут быть общезначимыми, но они не подлежат верификации: каждый имеет право на жизненную правду.

Впрочем, со времен Юма и Канта в понимании правды мало что изменилось. Проблемы возникают с истиной. В философии XX в. истина подвергается массовой атаке, цель которой – поставить под сомнение существование института объективной истины. Нападение на истину неслучайно – это реакция на просвещенческую абсолютизацию истины, которую можно назвать когнитивным империализмом. С ним нужно сражаться, но нельзя выкорчевать истину: поиск истины – вопрос адаптации человечества и это слишком важная вещь, чтобы позволить философствующим литераторам на нее покушаться. Мы находимся под шквалом критики антисциентистов в философии, которые отрицают значимость философской традиции. Это недопустимо.

*Подробнее см. статью
«Об истине и правде»,
стр. 110*

А.В. БЕЛОКОБЫЛЬСКИЙ (Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, док. филос. наук, проф.)

Для того чтобы правильно понять, что значит для нас ситуация «постправды», необходимо поднять тему культурной идеологии. Наука, опирающаяся на веру в наличие универсального разума, является доминирующей вплоть до сегодняшнего дня формой идеологии, определяющей «онтологию» – природу объектов,

«существующих» лишь на уровне идей, но при этом обозначающих форму бытия того, что человек воспринимает в качестве материального мира.

Феномен постправды, проявляющийся в самых различных сферах культурного бытия, является симптомом кризиса идеологии универсального разума – своеобразной культурной идеологии эпохи Просвещения. Эта идеология не только закрепила за наукой высочайший цивилизационный статус, но и легитимировала абсолютно новую структуру социальной реальности, институтов и практик. Речь в первую очередь идет об универсалистской картине мира и всеобщей истории, об общечеловеческих ценностях, нормах, правах и свободах, таких цивилизационных атрибутах, как технологический и экономический прогресс. Кризис культурной идеологии универсального разума, проявляющийся в феномене «постправды», говорит о том, что все эти структуры, точнее весь этот мир, сегодня находятся под ударом.

*Подробнее см. статью
«Кризис идеологии универсального разума
как вызов социальной структуре модерна»,
стр. 124*

А.П. КОЗЫРЕВ (МГУ им. Ломоносова, канд. филос. наук)

Имеем ли мы дело с кризисом или крушением этого универсального разума? Институты, которыми сегодня пользуется культура, – это институты осевого времени, это институты, которые были сформированы на протяжении 2700 лет европейской цивилизации, начиная с Гомера.

Мы находимся в Университете. Разве университеты рухнули во всем мире? Разве нет университетского образования как такового? Перестают поступать в университет? Да, сейчас говорят о ценности других вещей кроме образования, но все равно ведь университеты переполнены везде – и в Европе, и в России, и в Китае. Если мы возьмем культуру, ведь не все сводится к философии, есть другие институты: музеи, театры, опера, исполнительское искусство, спорт, – это приобретает планетарный характер, являясь в то же время инструментами европейской цивилизации. Причем эта цивилизация совершенно спокойно мигрирует по всему миру, и ее носителями становятся японцы, которые в начале XX в. выучились читать по-гречески и по латыни, ста-

ли переводить классические памятники. Десять лет назад мы были в Киевском университете на конференции, приуроченной к 110-летию В.Ф. Асмуса, выпускника этого Университета. Сегодня Украина переводит Хайдеггера, Канта, Гуссерля на украинский, но опять-таки это все та же культура ключевых мировых философских текстов, которые надо перевести, «перетолмачить» на свой собственный язык.

«Европа – там, где Гомера читают по-древнегречески», – говорит Юрий Анатольевич Шичалин. Если это происходит в Токио, в Японии, значит Европа оказывается там. Заметьте, с VII в. не возникала ни одна мировая религия. Мы перетасовываем сегодня существующие три мировые религии, говоря о том, в кризисе они или нет, ушли они, умерли, или наступила эпоха постсекулярности, возвращения религиозного. Ничего удивительного тут нет, очень часто в истории религии так бывает: близкие друг другу деноминации конфликтуют гораздо больше, чем отдаленные чужаки. Мы можем воевать с православными грузинами, но прекрасно общаться с тибетскими буддистами. Удаленное состояние менее конфликтное, чем близкое. Это опять-таки закон, который существует в истории религии, и тут не о чем спорить. Поэтому, вообще-то говоря, мы сегодня существуем в том же самом пространстве культуры Европы. Америка – это тоже европейская культура, это тоже универсальный разум. Но просто бой идет, как говорил Вячеслав Иванович Иванов, «за тело героя». Украина сегодня несколько запоздало вздумала примыкать к той Европе, которая перестает быть Европой. Я не говорю, что Россия становится Европой, может быть, Китай, может быть, Япония... Но надо еще задуматься, насколько некоторые из тех европейских ценностей, которые сегодня исповедуются и разделяются Украиной, в сути своей европейские.

Понятие «правда» – это действительно понятие ценностное, оно связано с такими понятиями, как «совесть», «вера», «вина», потому что там, где есть религиозное, непременно есть понятие онтологической вины, первородного греха. И современная цивилизация стремится избавиться от этого чувства вины. Она стремится, начиная с Ренессанса, показать образ некого идеального человека – совершенного, соразмерного, гармоничного, автохтонного. Поэтому «постправда» – это не что иное, как очередной этап этого избавления от онтологической вины: «постправда» равно «разум» минус «совесть». Вина, понимаемая в религиозном аспек-

те, есть понятие онтологическое, т.е. я не виноват за первородный грех Адама, или, если говорить в понятиях раннехристианского гностицизма, я не виноват за то, что София отпала от Плеромы (божественной Полноты), но тем не менее я разделяю эту вину. Эта онтологичность вины есть и в современном германском чувстве вины за нацизм, это тоже онтологическая вина, это не индивидуальная вина. В царевубийстве, в котором я лично не виноват, но это тоже онтологическая вина, за нее нас постоянно призывают каяться. И вот это возвращение к традиции в определенном смысле – это стремление понять, что мы несем вину не только за себя, мы несем вину за предыдущие поколения. «Все за всех виноваты», – говорит Достоевский. С помощью «постправды» нам говорят: никто ни за кого не виноват, вины вообще никакой нет. Истин много, вот действительно такая воскрешая в наши дни софистика.

Что делать? На этот вопрос хорошо ответил Розанов: нужно собирать ягоды, варить из них варенье, а зимой пить с этим вареньем чай. Если миру грозит катастрофа, а она, безусловно, грозит, мир погибнет, мир погибнет до нас или после... С Украиной до конца света хотелось бы помириться однако.

О.А. ЕФРЕМОВ (МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. филос. наук, доцент)*

В 2016 году Оксфордский словарь английского языка назвал словом года термин «постправда», означающий «обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям». Иногда указывают, что постправда предлагает интерпретацию всего происходящего в рамках некой ментальной (чаще идеологической) модели. Разве здесь есть что-то новое? Политики всегда апеллировали к эмоциям, а не разуму. В идеологизированности интерпретации событий тоже ничего необычного (по крайней мере для XX в.) нет. Что же изменилось? На наш взгляд, сам социокультурный контекст. Именно этим объясняется не просто количественное, но и качественное изменение значения «постправды».

---

* Текст подготовлен при поддержке фонда РФФИ №18-011-00980 А «“Социальная эволюция” и “прогресс» как категории номотетического знания»; текст подготовлен в рамках ведущей научной школы МГУ «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

Прежде всего, стоит указать на совершившееся в постмодерной культуре *устранение объективной истины*. Истина есть порождение дискурса, в каждом дискурсе своя истина. Утверждение своего понимания истины – проявление власти. Обратной стороной признания некой истины как объективной выступает репрессивность и дискриминация по отношению к несогласным. Запрет на единственность истины – естественное следствие постмодерной борьбы «за свободу». Следовательно, любая социальная практика представляет собой сосуществование или конкуренцию порождающих «истины» дискурсов, приоритет одной из которых может стать только проявлением властного принуждения. Что, по идее, должно блокироваться демократической системой.

Вторым важнейшим контекстуальным фактором можно считать виртуализацию социальности. Сегодня социальное существует не только как реальность, созданная деятельностью людей и функционированием социальных институтов, но и как тесно связанная с ней, но формирующаяся и функционирующая по своим собственным законам виртуальная среда. Данную среду нельзя считать просто аналогом прежних медиа, она представляют собой *иную (параллельную) социальность*, сосуществующую с прежней социальной реальностью, влияющую на нее и чем дальше, тем больше вытесняющую ее.

Виртуальная среда создается информационными сообщениями. Причем, это и есть ее онтологическая природа. Совершенно неважно, что реальное стоит за этими сообщениями и стоит ли вообще. Существует достаточно беспомощная попытка отделить в виртуальной среде сообщения, как-то связанные с реальной средой, отражающие происходящее «в реале», от сообщений с нею не связанных, ничего в реальности не отражающих (последние называются фейками). Беспомощность данной попытки заключается в том, что, во-первых, связь сообщения с реальностью малосущественна, во-вторых, потому, что источником сообщения бывает другое сообщение. И проследить цепочку до конца практически невозможно, ибо о том, было ли что-то за пределами виртуальной среды, мы узнаем только из самой виртуальной среды.

Именно виртуальная среда идеальна для постмодерного преодоления объективной истины. В полном соответствии с постмодернизмом, истинным признается сообщение, созданное в рамках интерпретации, утвердившей свой приоритет (власть) в виртуальном пространстве. Рациональная аргументация при

этом не исключается совсем, а становится моментом утверждения своего дискурса, средством, применяемым так и постольку, как и поскольку это может быть выгодно. Равно как и апелляция к эмоциям и привычным представлениям. Для достижения цели – победы в виртуальной (а через нее и в реальной) политической борьбе – все средства хороши. И цель оправдывает средства.

М.В. БРАТЕРСКИЙ (НИУ «Высшая школа экономики», док. полит. наук, профессор)

Мир начал смещаться в направлении, которого никто не ожидал, – ни старые, ни новые элиты, ни американцы, ни европейцы, ни русские, ни китайцы. Для того чтобы сохранить свое место, элиты начали хвататься за еще недавно неожиданные «вещи», например, за религиозные идеологии. Более того, я бы сказал, что мы вступили в новую эпоху религиозных войн. Каждый раз подобные эпохи начинались именно в момент, когда назревали исторические перемены.

Я не знаю, на пороге каких перемен стоит мир сегодня, но могу сказать, что большей частью планеты правит то, что называли идеократией. На очень существенной части обитаемой суши правят люди, элиты, которые руководствуются не правдой/истиной, а верой. И с этими людьми аргументированный диалог затруднен, а иногда рационально разговаривать невозможно. Возникает закономерный вопрос: что же делать, как выходить из сложившейся ситуации? Один из возможных вариантов ответа заключается в следующем: им необходимо противопоставить рациональность. Нужно искать баланс интересов, не обращать внимание на провоцирующие нападки. Восстанавливать и создавать большие общности. Мое понимание сегодняшней ситуации сводится к тому, что выживут достаточно большие общности – международные блоки, организации (даже без конкретной экономической цели). Они позволяют сохранить устойчивость, не утратить рациональность, не впасть в фанатизм служения идее.

Главным вызовом, стоящим перед глобальным миром сегодня, является не столкновение США и Китая, не гонка ядерных вооружений, а задача пережить иррациональную волну и вернуться к рациональному способу сосуществования.

А.В. ПИЛЬКО (МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. ист. наук)

Почему культура является все более значимым фактором современной геополитики? В XX в. мы заигрались в тотально

светский дискурс. К середине XX в. в мире выстроилась почти геометрическая фигура – существовали два лагеря, две светские идеологии, два военных блока, борьба между которыми развернулась за неприсоединившиеся государства.

Подчеркну: обе идеологии были светскими и в той или иной степени либеральными. Это противостояние символизировало новую эпоху, новую ступень в развитии цивилизации, а религиозные и традиционалистские времена, казалось, остались в прошлом. Но вот одна из идеологий (а за ней и один из лагерей) разрушается. Позднее «входит в штопор» другая. Возникает неопределенность: на что ориентироваться остальному миру?

И на авансцену истории возвращаются религиозные идеологии. Сначала под сугубо светскими лозунгами начинаются волнения, а затем – вспомним, например, «Арабскую весну» – им на смену приходят сугубо религиозные и традиционалистские лозунги.

Новые светские идеологии не просматриваются – вот проблема. В условиях дестабилизации и хаоса мир-системы люди пытаются схватиться за соломинку, и фактор культуры начинает играть роль основания интеграции.

Пришло время перевернуть идею Фукуямы: мы достигли конца истории, но в негативном смысле – дальнейшие горизонты не просматриваются. Отсутствие доминирующей идеологии сопровождается кризисом понимания того, какая социально-экономическая модель была бы релевантна формирующемуся миропорядку. Неопределенность по всем, так сказать, направлениям. Может быть, победа либерализма, или победа идеологии СССР, или биполярный мир были бы лучше, чем сегодняшняя ситуация.

В.С. ЛЕВИЦКИЙ (Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, канд. филос. наук)

Еще недавно теория модернизации утверждала, что глобализационный процесс распространяется на все государства, а целью прогресса является достижение всеми участниками того уровня развития, на котором находятся страны «первого мира». Однако к середине второго десятилетия XXI в. налицо отсутствие канонических представлений о будущем и способах его достижения, мир раздроблен на культурные субмиры, экономические и гуманитарные кризисы не сходят с повестки дня. Более того, сегодня можно констатировать наличие достаточно автономных

ценностно-смысловых универсумов, которые позиционируют себя в качестве глобальных альтернатив Западному проекту. Это Американский проект, Русский мир, Исламский проект и Китайский проект сердцевинных ценностей. В связи с этим можно утверждать, что современный этап глобализации связан не с расширением Западного проекта до масштабов мир-системы, а с конкурентной борьбой культурных субмиров.

Очевидно, что культурная близость в этих условиях становится определяющим ресурсом, позволяющим конкурирующим проектам расширяться и укрепляться. Вера в универсальный разум постепенно уходит в прошлое, а вместе с ней и убежденность в существовании Абсолютной или даже просто объективной истины. Участникам глобализации остается лишь апеллировать к собственным культурным корням и традиции. А культурная близость превращается в инструмент глобального продвижения.

*Подробнее см. статью
«Культурное сближение как форма борьбы за глобальное
доминирование в эпоху кризиса классического разума»,
стр. 134*

Основные тезисы круглого стола подготовил В.С. Левицкий